

RU

Личные и неличные глагольные средства выражения будущего времени в русском языке

Оздемир Сибель

Аннотация. Цель исследования – выявление семантико-прагматических характеристик глагольных средств выражения будущего времени в современном русском языке. Научная новизна заключается в том, что определен потенциал личных и неличных глагольных средств в выражении будущего времени, определены их семантико-прагматические особенности. В исследовании используется корпусный подход, позволяющий выявить закономерности функционирования глагольных единиц в разных контекстах. Полученные результаты показали, что глагольные средства выражения будущего времени в русском языке выполняют широкий спектр коммуникативных функций – от выражения необходимости и намерения до категорических суждений и оценки. Результаты исследования способствуют уточнению общей картины темпоральности русского языка и могут быть использованы в типологических и прикладных лингвистических разработках.

EN

Personal and impersonal verbal means of expressing future tense in the Russian language

Sibel Ozdemir

Abstract. The aim of the study is to identify the semantic-pragmatic characteristics of verbal means of expressing future tense in modern Russian. The scientific novelty lies in the fact that the potential of personal and impersonal verbal means in expressing future tense is determined, and their semantic-pragmatic features are defined. The study uses a corpus-based approach, which allows us to identify patterns in the functioning of verbal units in different contexts. The results obtained showed that verbal means of expressing future tense in Russian perform a wide range of communicative functions – from expressing necessity and intention to categorical judgments and evaluations. The results of the study contribute to clarifying the overall picture of temporality in the Russian language and can be used in typological and applied linguistic developments.

Введение

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом современной лингвистики к многоуровневому анализу временных форм и к прагматике их функционирования в реальной коммуникации. Несмотря на традиционное внимание к глагольным средствам выражения будущего времени, периферийные и неглагольные конструкции не получают достаточного научного внимания. Современная языковая практика демонстрирует активное использование таких средств в различных типах дискурса – от официально-делового до разговорного, что требует их систематического описания. Отсутствие четкой типологии и функциональной интерпретации данных конструкций создает лауну в понимании способов репрезентации темпоральности в русском языке. Таким образом, исследование отвечает актуальному запросу теоретического языкознания на углубленное описание альтернативных грамматических механизмов выражения будущего времени, а также способствует уточнению границ грамматической категории времени и ее взаимодействия с модальностью и прагматикой.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) проанализировать существующие лингвистические исследования, касающиеся выражения будущего времени в русском языке, с целью выявления пробелов в описании глагольных единиц; 2) определить глагольные средства на основе корпусного и контекстуального анализа; 3) описать семантико-прагматические особенности и коммуникативную функцию данных средств в различных контекстах.

Эмпирическую базу настоящего исследования составляют примеры из Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru>), охватывающие как письменные (художественные и публицистические), так и устные

(разговорные и медийные) жанры. Отбор осуществлялся с учетом контекстов, в которых будущее выражается глагольными средствами. Использованы данные из основных и газетных подкорпусов, а также материалы проекта корпусной грамматики, что позволило сопоставить наблюдаемые языковые явления с современными лингвистическими тенденциями. Научные тексты не анализировались с целью сохранения спонтанности и естественности речевых примеров.

Выбор методов исследования обусловлен целью работы и поэтапным выполнением поставленных задач. Для выявления и классификации неглагольных средств, выражающих будущее время, применялся корпусный анализ с использованием Национального корпуса русского языка, что обеспечило сбор репрезентативного языкового материала в разных речевых регистрах. Анализ семантико-прагматических особенностей и функциональной значимости осуществлялся с помощью описательно-аналитического и контекстуального методов, позволяющих выявить структурные характеристики и коммуникативные функции исследуемых конструкций в конкретных речевых контекстах. Роль контекста в передаче временных значений была изучена посредством контекстуального анализа.

Теоретическую базу исследования составили фундаментальные работы в области семантики, грамматики и прагматики темпоральных категорий. Концептуальные основы анализа были заложены в трудах Н. Д. Арутюновой (2011) по лингвофутуризму и Т. В. Булыгиной с А. Д. Шмелёвым (1997), разработавших принципы языковой концептуализации временных отношений. Методологическую основу обеспечили семантические исследования Е. В. Падучевой (1996), морфологическая теория В. А. Плунгяна (2000), а также новейшие работы по сопоставительной лингвистике (Лутфуллина, 2017; 2024; Мордашова, 2023). Важную роль сыграли: грамматические описания русского языка (Зализняк, 2008; Историческая грамматика..., 1982; Русская грамматика, 1980); типологические исследования модальности и аспектуальности (Ван дер Ауэра, Плунгян, 1998; Plungian, Rakhi-lina, Reznikova, 2022); современные корпусные исследования (Стойнова, 2018; Воронина, 2024); сравнительно-типологические работы (Bybee, Perkins, Pagliuca, 1994; Forsyth, 1970; Timberlake, 2004; Wade, 2011). Особую значимость для межъязыкового сопоставления приобрели исследования по неглагольной аспектуальности в татарском (Шамсутдинова, Галавова, 2020) и других языках, а также новейшие разработки в области полевого моделирования темпоральности (Сухомлина, 2019). Этот комплексный теоретический фундамент позволил осуществить системный анализ неканонических способов выражения будущего времени в русском языке.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть эффективно применены в преподавании русского языка как иностранного, в сопоставительных лингвистических исследованиях, при подготовке учебных пособий, а также в лексикографии и теории перевода. Полученные данные способствуют углубленному пониманию механизмов выражения будущего времени неглагольными средствами в русском языке.

Обсуждение и результаты

Основное использование будущего времени предназначено для предсказания говорящим того, что событие произойдет после момента речи (Bybee, Perkins, Pagliuca, 1994, p. 22-109). В соответствующих предложениях говорящий делает предположение о событии, которое еще не произошло. Данное употребление может маркироваться как будущая определенность и будущая вероятность. Будущая определенность выражает абсолютную уверенность говорящего в том, что событие произойдет, тогда как будущая вероятность указывает на то, что говорящий не уверен в том, произойдет ли событие или нет.

Исследования временной категории проводятся по пяти основным направлениям. Первое направление сосредоточено на изучении фактического употребления временных форм в макроконтексте. Второе направление предполагает анализ с точки зрения временной референции. В качестве третьего направления указывается необходимость разграничения временных форм и их структур. Четвертое направление рассматривает семантическую взаимосвязь аспекта (способа осуществления действия) с модальностью. Пятое направление затрагивает прагматические проблемы, связанные со временем. Функционирование времени исследуется в зависимости от наличия или отсутствия неглагольных временных маркеров, таких как наречия и прилагательные.

1. Как **морфологические средства** выражения времени обычно анализируются временные формы, которые передают значения последовательности, одновременности, предшествования. Неглагольные лексические средства конкретизируют референциальные значения, то есть уточняют системные значения форм и накладывают ограничения на локализацию процесса. Морфологический анализ проводится двумя способами: во-первых, через исследование значения предиката, исходя из его временной формы, во-вторых, через изучение неглагольных средств, которые сочетаются с предикатом для формирования референциального значения (Лутфуллина, Марзоева, Гилязиева и др., 2024, с. 187-190).

Е. В. Баднарук (Bodnaruik, 2023, p. 18) провел подробный анализ форм выражения будущего времени в английских литературных текстах и выявил различные лексические и грамматические средства, а также такие структуры, как *be moving to* + *infinitive* и *can* + *infinitive*, как наиболее частотные примеры выражения будущего времени. Он разграничил аналитические формы времени и прототипические грамматические структуры.

В тюркских языках, особенно в турецком и татарском, проблема аспекта (вида) вызывает академические дискуссии из-за отсутствия морфологической категории вида, аналогичной славянским языкам. В тюркологических исследованиях этот вопрос рассматривался с двух позиций. На первом этапе предпринимались попытки

выявить грамматическую категорию вида, на втором этапе существование этой категории в тюркских языках было отвергнуто. Впоследствии получила развитие идея, что в татарском языке аспект следует рассматривать как функционально-семантическую категорию.

Если в славянских языках аспектuality выражается преимущественно глагольными средствами, то в татарском языке аспектuality значение в значительной степени передается неглагольными средствами. Лингвисты отмечают, что сказуемое как главный член предложения играет центральную роль, тогда как другие элементы выполняют вспомогательную функцию. Исследования показывают, что слова и словосочетания, указывающие на продолжительность и повторяемость действия, функционируют как аспектuality маркеры. В тюркских языках аспектuality не ограничивается только глагольным спряжением, а изучается с учетом неглагольных элементов, словосочетаний и контекста (Шамсутдинова, Галавова, 2020, с. 292-295).

Т. А. Сухомлина (2019) анализирует функционально-семантическое поле будущего времени в английском языке как многоуровневую систему. Как ядро она рассматривает конструкцию *shall/will + infinitive*, в зоне ближайшего будущего выделяет эксплицитные конструкции, такие как *to be about to*, *to be likely to*, а дальнюю периферию составляют модальные глаголы, слова желания, плана или неизбежности. Автор подчеркивает, что эти средства имеют ярко выраженную модальную окраску и связывают будущее время с категориями предположения, необходимости и интериорности (Сухомлина, 2019, с. 150-152).

Межъязыковые исследования показывают, что выражение будущего времени предполагает конструкции, включающие глаголы движения, а также маркеры необходимости, желания и способности и временные наречия. Помимо этих форм, называемых первичными будущими, отмечается вторичное употребление форм, основная функция которых – обозначение настоящего времени или аспектов завершенности/незавершенности. Такие формы классифицируются как аспектuality будущие.

С лингвистической точки зрения при анализе временных категорий наблюдается, что будущее время существенно отличается от других временных форм на эпистемологическом уровне. Тогда, когда настоящее и прошедшее могут быть определены и верифицированы относительно момента речи, будущее время, выражая еще не произошедшие события и ситуации, лишено верифицируемости. Это приводит к тому, что будущее время приобретает гипотетический характер и обладает псевдо-временными свойствами (Bybee, Perkins, Pagliuca, 1994, p. 244-250).

Исследователи делают важное заключение относительно функционального использования временных форм в русской грамматике. В функционировании временных форм определяющую роль играет точка зрения говорящего и его интерпретация/оценка временных отношений, основанных на объективной реальности (Русская грамматика, 1980, с. 636). Однако отмечается, что семантическим (модальным) особенностям временных форм, в большей степени ирреалистичному потенциалу будущего времени, уделяется недостаточно внимания (Русская грамматика, 1980, с. 626-634).

В. А. Плунгян (2000, с. 107) утверждает, что будущее время выходит за границы временной категории. Оно тесно связано практически с каждой временной категорией. В речи, происходящей в настоящем времени, выражаются желания, заявления и намерения, относящиеся к будущему. Поэтому будущее также неразрывно связано с настоящим временем.

2. **Совершенный вид** и настоящее время семантически несовместимы: если действие происходит «прямо сейчас / в настоящий момент наблюдается», мы не можем предполагать, что оно уже завершено, поскольку действие еще продолжается. Это объясняется тем, что завершенное действие, как правило, не может быть описано в настоящем времени. Однако в русском языке конструкции первого лица единственного числа с отрицанием, такие как «не скажу», «не дам» и «не пушу», демонстрируют отсылку к настоящему времени, а не к будущему, выражая значение отказа или запрета. Дело в том, что эти употребления функционируют как перформативные высказывания: отказ или запрет говорящего вступает в силу с момента произнесения, то есть отражает настоящее. Анализ параллельных языковых корпусов показывает, что эти выражения в других языках также передаются формами настоящего времени. Таким образом, традиционное понимание «совершенного настоящего/будущего времени» приобретает новое исключение: возникает конструкция проспективного (ориентированного на будущее) настоящего времени (Plungian, Rakhilina, Reznikova, 2022, p. 1013-1015).

3. В рамках предлагаемого подхода к исследованию **модальности** (Ван дер Ауэра, Плунгян, 1998, с. 79-124) термин «модальность» применяется к тем семантическим доменам, которые включают возможность и необходимость как парадигматические варианты, формирующие бинарную оппозицию. Данный критерий позволяет выделить четыре основных типа модальности. Участник-внутренняя модальность (*participant-internal modality*) характеризует возможности или потребности, обусловленные внутренними свойствами участника ситуации. В случае возможности речь идет об способностях/умениях субъекта, тогда как необходимость отражает его внутренние потребности. Как отмечают исследователи, данный тип модальности непосредственно связан с физическими, когнитивными или физиологическими характеристиками участника события (Булыгина, Шмелёв, 1997, с. 216). А. А. Зализняк и А. Д. Шмелев (2021, с. 221-222) утверждают, что языковая специфичность определяется не отсутствием точного лексического эквивалента, а вариативностью переводов в зависимости от контекста. Так, русская частица «же», которая зачастую опускается при переводе на английский, служит ярким примером высокой степени языковой специфичности. Типичными маркерами в русском языке выступают глаголы *мочь/уметь* (для выражения возможности) и *нужно/требуется* (для необходимости) (Ван дер Ауэра, Плунгян, 1998, с. 80-83).

В русском языке временные выражения приобретают дополнительное значение под влиянием наречных выражений. Наречия «раньше», «прежде», «потом» и предлог «после» подчеркивают хронологическую последовательность событий, тогда как выражения «в прошлом» и «в будущем» позиционируют само время на его оси. Временные формы располагаются относительно настоящего момента, при этом прошедшее и будущее находятся в оппозиции к настоящему, как формируется восприятие времени в языке.

Примечательно, что данные выражения несут не только временное, но и пространственное значение. Выражение «в прошлом» метафорически соотносится с «позади», а в будущем – с «вперед». Настоящее время выражается словами «настоящий», «сегодняшний», «текущий» и «нынешний», описывая события, происходящие в момент речи. Будущее время передается лексемами «будущий», «завтрашний», «наступающий» и литературным «грядущий», обозначая события, которые еще не существуют, но произойдут впоследствии.

В определении статуса настоящего и будущего времен актуализируются различия в позиционировании, аналогичные оппозиции прошлого и будущего. Слова «настоящий» и «нынешний» указывают на текущее положение человека, тогда как «будущий» и «завтрашний» характеризуют статусы, которые будут достигнуты в будущем. Временные выражения классифицируются по степени удаленности от настоящего момента. Лексемы «близкий», «недалекий» обозначают недавнее прошлое или ближайшее будущее, в то время как «далекий» и «отдаленный» описывают значительно удаленные временные периоды (Воронина, 2024, с. 76-79).

Историческое развитие аналитического/несовершенного будущего времени в русском языке с морфологической точки зрения рассматривалось по-разному в различные периоды. Согласно историческим данным, в древнерусский период (XI-XVII вв.) выражение будущего времени осуществлялось через вспомогательные глаголы с модальными значениями – «*имаю, начну, хочу, стану*» (Историческая грамматика..., 1982, с. 110, 130). Поскольку эти глаголы выражали такие значения, как «воля», «намерение» и «начало действия», это создавало семантическую нагрузку, что со временем сделало необходимым формирование нейтрального выражения будущего времени, свободного от эмоциональной окраски, требуемого языковой системой.

Концепция “root modality” (корневая модальность) и четыре ее подтипа выделяются в русском языке. Корневая модальность относится к тем состояниям, которые еще не наступили, но рассматриваются говорящим как граничащие с **возможностью** и **разрешением** как деонтической возможностью, и делится на две основные категории: **внутренняя необходимость** / **внешняя необходимость** (зависимость действия от обстоятельств) и эпистемическая оценка (степень близости ситуации к действительности). **Возможность** понимается как возможность совершения действия в зависимости от внутренних способностей и мотивации человека. В русском языке она выражается словом «можно». **Разрешение** несет в себе деонтическую (нормативную) возможность, указывает на то, что разрешение или санкция дается или запрашивается для совершения действий. В русском языке оно передается выражением «(ты/вы) не против», которое выходит за рамки будущего, так как оно ближе к настоящему времени. **Внутренняя необходимость** соответствует значению необходимости/обязанности. Она обозначает потребности человека или необходимости, вытекающие из требований, основанных на объективных условиях. Этому значению соответствует лексема «необходимо». **Внешняя необходимость** обозначает обязательства, налагаемые внешними факторами, которые должны быть выполнены против воли человека в силу законов, морали или социальных норм и правил. Особенно часто используется в письменных документах и официальных выступлениях, а не в повседневной речи. Она выражается глагольной формой «надлежит» (Мордашова, 2023, с. 37-38).

В лингвистических контекстах глагол *быть* в форме будущего времени *буду* в отличие от других модальных глаголов репрезентирует менее личностное отношение и сохраняет свою нейтральность. Со временем это привело к его доминированию в качестве маркера будущего времени. К XVIII веку конструкция *буду + инфинитив* закрепились в качестве стандартной формы выражения будущего времени. В свою очередь, старые модальные глаголы семантически специализировались и стали употребляться в более ограниченных контекстах (Историческая грамматика..., 1982, с. 110, 130).

В русском языке использование глагола «быть» в будущем времени с модальными выражениями создает значимые семантические и прагматические различия. Будущая форма глагола «быть» в сочетании с прилагательными (*должен, обязан*) и модальными лексическими единицами (*нужно, можно, надо*), а также такими конструкциями, как *будет должен, будет нужно, будет можно*, формирует значения, относящиеся к будущему, подчеркивая «обязательность, необходимость или вероятность» (Стойнова, 2018, с. 4-6).

(1) «*Что я просто **обязан быть** сегодня вечером в некоем кафе*» (Атанесян Г. Теория литературы // Волга. 2010. № 3-4 (НКРЯ)).

Закрепившееся прилагательное *обязан*, выражающее необходимость или обязательность, используется здесь в значении будущего времени. В предложениях с доминирующей модальной семантикой акцент делается не столько на самом совершении действия в будущем, сколько на наличии оснований для его совершения. Таким образом, передаются действия, которые говорящий считает обязательными для выполнения в будущем.

(2) «*А ежели которого дела вскоре решит **будет не можно**, то, встав, и, кто с кем за благо рассудит, о том деле толковать надлежащее время, по важности дела и по рассуждению генерала прокурора, для чего ему, генералу прокурору, иметь песочные часы*» (Петр I. Указ о должности Сената. 1722 (НКРЯ)).

(3) «*Через 10-14 дней их **можно будет** высаживать на постоянное место*» (Кляцов С. Ниже травы. 2003 (НКРЯ)).

В контексте взаимодействия времени и модальности в русском языке использование частицы «можно» отражает важные подсказки о связи будущего времени и наклонения. Корпусные примеры показывают, что конструкция «можно» с вспомогательным глаголом будущего времени «будет» выражает значение

возможности в будущем времени, но сохраняет почти тот же смысл и без этого вспомогательного глагола, при этом предложения с «можно» без вспомогательного глагола встречаются в 34 раза чаще. Отсутствие вспомогательного глагола не вносит изменений в пропозицию предложения. Различные варианты гибкого использования частицы «можно» отражают глубины модально-временной системы. Конструкции, содержащие «будет», используются в контексте времени, условия и вероятности, помещающих ситуацию в будущее; они несут значение будущего времени даже без контекста (Zhamaletdinova, 2023, p. 1-18).

Конструкции *можно будет* или *можно будет + инфинитив* передают возможность совершения действия в будущем. В отличие от других модальных структур, выражающих обязательность, здесь отсутствует необходимость совершения действия – предполагается лишь гипотетическая возможность его реализации.

(4) «*Ведь тут, брат, **надо будет** принимать экстраординарные меры*» (Боборыкин П. Д. Проездом. 1884 (НКРЯ)).

(5) «*Я задержу ее, но потом вам **надо будет** обратиться к государыне*» (Гейнце Н. Э. Дочь Великого Петра. 1913 (НКРЯ)).

Предикатив необходимости *надо будет* используется для выражения будущего времени. Он передает действия, которые говорящий считает обязательными к выполнению в будущем, придавая высказыванию более сильный оттенок необходимости. В разговорной речи эта конструкция часто употребляется для выражения совета. Она более распространена в повседневном общении и реже встречается в официальных контекстах, но может также нести срочное или категоричное предупреждение.

(6) «*И ей **нужно будет** знать все то, что я знаю*» (Улицкая* Л. Казус Кукоцкого (Путешествие в седьмую сторону света) // Новый Мир. 2000. № 8-9 (НКРЯ)).

(7) «*И им **нужно будет** заниматься чем-то еще кроме работы*» (Наумова М., Санжапова Г. Как производство крем-меда спасает глухую деревню: история Малого Турыша // Афиша Daily. 2018 (НКРЯ)).

(8) «*Тогда **нужно ехать** в Лозанну и жить в Lausanne Palace Spa*» (Зубцова Я. Прекрасный маршрут // Домовой. 04.04.2002 (НКРЯ)).

(9) «*Если есть возможность по старой доверенности продлить договор, это очень хорошо, ведь в противном случае **нам нужно будет ехать** в Познань и оформлять новую доверенность, это очень долго и хлопотно*» (Письмо пары студентов паре студентов. 2004 (НКРЯ)).

Конструкции *нужно* и *нужно будет* выражают необходимость и обязательность, относящиеся к будущему. Однако если *надо будет* передает более категоричное или личное ощущение обязанности, то *нужно будет* носит более нейтральный, формальный или рекомендующий характер. Важно подчеркнуть их функциональные различия. Например, фраза *завтра нужно ехать* указывает на общую необходимость, тогда как конструкция *завтра нужно будет ехать* подразумевает обязательство, возникающее в зависимости от конкретной ситуации или условия. Этот нюанс, рассматриваемый на прагматическом уровне, дает важные подсказки относительно намерений и ожиданий говорящего.

(10) «*Теперь я взобрался по мягкой траве на гору; завтра я **должен буду** взойти в четвертый этаж, чтоб просидеть в душной комнате несколько часов*» (Некрасов Н. А., Панаева А. Я. Три страны света // Современник. 1849. № 1-5 (НКРЯ)).

(11) «*Ты **должен будешь** с честью представлять русских вампиров – и показать всем, что наш дискурс непобедим!*» (Пелевин В. Бэтман Аполло. 2013 (НКРЯ)).

Выражение *должен будешь* в отличие от других модальных конструкций, таких как *должна, надо, обязан*, в будущем времени передает наиболее строгое и официальное предупреждение, выражая «наивысшую» степень обязательности, категоричное повеление.

4. Одной из важных конструкций, передающих значение будущего времени в русском языке косвенным образом, являются **инфинитивные конструкции** с дативным субъектом. Данная структура, выражаемая через дативные формы личных местоимений, демонстрирует семантическую близость к модальным выражениям необходимости или неизбежности (Стойнова, 2018, с. 4-40).

Ключевое отличие этой конструкции заключается в том, что, несмотря на отсутствие грамматического маркера будущего времени (параллель с настоящим/неопределенным временем), время реализации действия прагматически относится к будущему. Даже при наличии временных сдвигов, когда морфологически время предложения указывает на настоящее, в коммуникативном контексте подразумевается отсылка к будущему.

(12) «*Задумалась: к кому же **мне идти**? Пойду к адвокату*» (Аверченко А. Т. Ниночка. 1910-1911 (НКРЯ)).

(13) «*Прогнать голодного. Может, **ему идти** некуда... Некуда*» (Трифонов Ю. Дом на набережной. 1976 (НКРЯ)).

(14) «*Симон Петр ответил Ему: “Господи! к кому **нам идти**?”*» (Мейендорф И. Православное свидетельство в современном мире. 1992 (НКРЯ)).

(15) «*Все встанут и уходят. Потому что знают, куда **им идти***» (Носов С. Фигурные скобки. 2015 (НКРЯ)).

5. **Футуральные причастия.** В русском языке будущее время в пассивном залоге формируется на основе аналитических и синтетических форм глаголов будущего времени, а также сочетания будущей формы глагола *быть* с причастиями (Лутфуллина, 2017, с. 39). Причастия прошедшего времени, образованные с помощью суффикса *-енный*, выражают действия, которые будут завершены в будущем. Как правило, используются краткие формы причастий в сочетании с формой 3-го лица единственного числа глагола *быть* – *будет*. Формы согласуются по родам и числам: мужской род – *-ен*, женский род – *-на*, средний род – *-но*, множественное число – *-ны* (Стойнова, 2018, с. 4-40).

(16) «*Ваш вопрос **будет рассмотрен** на заседании комиссии по кооперативной деятельности Моссовета, и заверяю вас – решен отрицательно*» (Тарасов А. Миллионер. 2004 (НКРЯ)).

В конструкции *вопрос будет рассмотрен* сочетание формы *будет* с причастием прошедшего времени совершенного вида передает значение будущего времени, указывая на то, что действие будет выполнено и завершено в будущем.

(17) «Если такое **решение будет принято**, то “Нарден” перестанет существовать как депутатская группа – людей не хватит» (Двоецентризм в Кремле // Газета. 25.06.2003 (НКРЯ)).

(18) «Полагаю, что, как только договор **будет подписан**, сразу же он будет и ратифицирован» (Чежегов Е. Кузин В. Удовлетворим и Европу, и Россию // Известия. 22.05.2002 (НКРЯ)).

(19) «Вызванный хозяин заверил, что ошибка **будет исправлена**, переводчика найдут с помощью голландского посольства» (Гранин Д. Зубр. 1987 (НКРЯ)).

В современном русском языке более распространена вторая конструкция – пассивные формы, образованные с помощью возвратных глаголов (-ся/-сь). Эти конструкции различаются по акценту на процесс или результат. Например, *жалоба будет рассматриваться* (акцент на процессе) – *жалоба будет рассмотрена* (акцент на результате).

В системе причастий присутствует лишь противопоставление прошедшего и настоящего времени, тогда как будущее время может быть выражено только аналитическими конструкциями с *который* + глаголы несовершенного/совершенного вида, например, *который будет ходить в школу*, или синтетическими формами – *который полюбит* (Wade, 2011, p. 112-115).

(20) «А в улусах до сих пор ругают: ну, из тебя выйдет человек, **который будет ходить в город**» (Пришвин М. М. Дневники. 1926 (НКРЯ)).

(21) «Едва ли найдется человек, **который полюбит ее**» (Горький М. Жизнь Клима Самгина. Часть 1. 1925 (НКРЯ)).

В русском языке, вопреки стандартным грамматическим нормам, встречаются причастные конструкции, выражающие будущие действия. Эти структуры, известные в лингвистической литературе как «футуральные причастия», не входят в систему нормативной грамматики (Зализняк, 2008, с. 86-90).

(22) «Однажды утром он позвонил и, похихикивая, сказал, что передовая творческая интеллигенция сегодня идет на (и он через кого-то приглашен и приглашает меня) нигде еще не **идуший** и, может быть, никогда не **пойдуший** американский фильм “В джазе только девушки”» (Найман А. Славный конец бесславных поколений. 1994 (НКРЯ)).

Споющий (от глагола совершенного вида «спеть») передает действие, которое произойдет в будущем. В отличие от *поющих* (одновременно поющих), эта форма подчеркивает будущую реализацию (Стойнова, 2018, с. 4-40). Здесь причастие настоящего времени (*не идуший*) и футуральное причастие (*не пойдуший* (который, возможно, никогда не пойдет)), передают значение будущего времени.

Футуральные причастия демонстрируют морфологическую структуру, аналогичную причастиям настоящего времени, но выражают действие, которое произойдет в будущем. В современном русском языке причастия настоящего времени образуются только от глаголов несовершенного вида, тогда как эти причастные формы создаются от глаголов совершенного вида, формируя структуру, схожую с синтетическим будущим временем. Их употребление указывает на завершенность действия в будущем. Футуральные причастия не являются нормативными и встречаются преимущественно в творческих языковых практиках, особенно в литературе и разговорной речи для акцентуации будущих действий. Однако, поскольку они не входят в систему стандартных грамматических правил, их практически никогда не используют в официальных текстах (Плунгян, 2000, с. 310-333).

Проведенное исследование выявило следующие ключевые закономерности в системе выражения будущего времени в русском языке:

1. Базовые модальные конструкции (*нужно/должен* + инфинитив) выражают императивы общего характера.
2. Конструкции «*будет* + модальное слово» подчеркивают будущие обязательства при соблюдении определенных условий. Простое употребление *нужно/должен* дает выражения, которые не зависят от лица или от того, что лицо обязано сделать. Он имеет значение императива.
3. Конструкции «*дательный падеж* + инфинитив» имеют значение косвенного будущего времени и описывают ситуации, в которых личные местоимения должны быть сделаны в будущем.
4. Пассивные конструкции выявляют семантические различия между процессом и результатом. При выражении того, что глагол будет закончен в будущем, он передается с помощью спряжения глаголов «*будет* + краткое прилагательное». Спряжение с причастием прошедшего времени и конструкция *будет* передают результат, то есть будущее завершение действия. Процесс не рассматривается.
5. «Инфинитив + *бы*» дает вероятность и предположение, *лучше бы* – рекомендация, *можно бы* – возможность.

Заключение

В рамках настоящего исследования была достигнута поставленная цель – выявление и описание неглагольных средств выражения будущего времени в современном русском языке. На основании выполненных задач были получены следующие выводы.

Во-первых, проведенный обзор теоретических источников позволил установить, что несмотря на наличие работ, посвященных модальности и темпоральности, неглагольные конструкции будущего времени остаются недостаточно описанными.

Во-вторых, в результате корпусного анализа были выявлены и классифицированы основные типы неглагольных конструкций с будущим значением: модальные конструкции (*нужно/должен* + инфинитив), структуры с дательным падежом и инфинитивом, пассивные формы с краткими причастиями, а также конструкции с частицами и модальными маркерами (например, «инфинитив + *бы*»).

В-третьих, анализ показал, что указанные конструкции выполняют разные прагматические функции: от выражения императива и рекомендации до оценки вероятности, намерения, категорического отказа или иронии. Это свидетельствует о том, что будущее время в русском языке реализуется не только через глагольные формы, но и посредством сложных семантико-прагматических механизмов.

Таким образом, проведенное исследование позволяет расширить представление о грамматических и коммуникативных возможностях выражения будущего времени в русском языке.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с сопоставительным анализом аналогичных конструкций в других языках. Также представляет интерес включение научных и специализированных текстов для более полного описания функционирования неглагольных темпоральных конструкций.

Примечание: * – лицо, признанное иностранным агентом.

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д. Будущее в языке // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2011.
2. Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
3. Ван дер Ауэра Й., Плунгян В. А. Семантическая карта модальности // *Linguistic Typology*. 1998. № 2.
4. Воронина Т. М. Настоящее – прошлое – будущее в русском языке: связи и оппозиции // *Филологический класс*. 2024. Т. 29. № 3.
5. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Изд-е 5-е. М.: АСТ-Пресс, 2008.
6. Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Исследования по русской и компаративной семантике. М.: Языки славянской культуры, 2021.
7. Историческая грамматика русского языка: морфология, глагол / под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М.: Наука, 1982.
8. Лутфуллина Г. Ф. Семасиологический анализ темпоральных существительных как средств выражения неглагольного аспектуального значения количества действия (на материале английского, русского, татарского) // *Вестник Томского государственного университета*. 2024. № 501.
9. Лутфуллина Г. Ф. Средства глагольной и неглагольной аспектуальности в репрезентации фреквентативного способа глагольного действия во французском, татарском и русском языках // *Сопоставительная лингвистика*. 2017. № 6.
10. Лутфуллина Г. Ф., Марзоева И. В., Гилязиева Г. З., Назарова И. П., Демидкина Д. А. Современные направления сопоставительных исследований темпоральности // *Современный ученый*. 2024. № 4.
11. Мордашова Д. Д. Структура семантической зоны модальности в русском языке: моделирование системных отношений между конструкциями (на материале ресурса «Русский конструктик») // *Вопросы языкознания*. 2023. № 2.
12. Падучева Е. В. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996.
13. Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. М.: УРСС, 2000.
14. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. II. Синтаксис.
15. Стойнова Н. М. Будущее время // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. 2018. http://rusgram.ru/Будущее_время
16. Сухомлина Т. А. Теория поля как метод представления языковых явлений (на примере категории будущего времени) // *Поволжский педагогический вестник*. 2019. Т. 7. № 4 (25).
17. Шамсутдинова А. Р., Галавова Г. В. Неглагольные средства выражения аспектуальности в татарском языке // *На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания*. 2020. № 3 (18).
18. Bodnaruk E. V. Actualization of the Future Meaning in English Literary // *Vestnik Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2023. № 21 (3).
19. Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
20. Forsyth J. A. *Grammar of Aspect: Usage and Meaning in the Russian Verb*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
21. Plungian V. A., Rakhilina E. V., Reznikova T. I. Perfective, performative and present: some non-standard combinations in Slavic and beyond // *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 26. № 4.
22. Timberlake A. A. *Reference Grammar of Russian*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

23. Wade T. A Comprehensive Russian Grammar. 3rd ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011.
24. Zhamaletdinova G. When Modality and Tense Meet. The Future Marker budet 'will' in Impersonal Constructions with the Modal Adverb možno 'be possible' // Scando-Slavica. 2023. Vol. 69.

Информация об авторах | Author information

Оздемир Сибель¹

¹ Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова

Sibel Ozdemir¹

¹ Linguistics University of Nizhny Novgorod

¹ sibellozdemr@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.05.2025; опубликовано online (published online): 26.06.2025.

Ключевые слова (keywords): будущее время; русский язык; глагольные средства выражения; модальные конструкции; неличные формы; future tense; Russian language; verbal means of expression; modal constructions; impersonal forms.